

УДК 72.035(410.1)

EDN JBIOIC

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-66-88>

Противопоставления, или Параллель между Благодородными
Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями
наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса.
В сопровождении подобающего текста.
Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором. Глава 3–5

О. У. Пьюджин

Перевод: В. В. Дегтярев^{✉1}

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Пьюджин, О. У. Н. (2023) Противопоставления, или Параллель между Благодородными Постройками Средних Веков и соответствующими зданиями наших дней, показывающая нынешний упадок вкуса. В сопровождении подобающего текста. Написано О. Уэлби Пьюджином, архитектором. Глава 3–5 (Перевод В. В. Дегтярева). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 5, № 1, с. 66–88. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-66-88> EDN JBIOIC

Получена 29 марта 2023; принята 4 апреля 2023.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. В. Дегтярев (2023). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии CC BY-NC 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle
Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing
the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text.
By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 3–5

Augustus Welby Northmore Pugin

Translated by: V. V. Degtyarev^{✉1}

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Pugin, A. W. N. (2023) Contrasts: Or, A Parallel Between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day, Shewing the Present Decay of Taste. Accompanied by appropriate Text. By A. Welby Pugin, Architect. Chapter 3–5 (Translated by V. V. Degtyarev). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 66–88. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2023-5-1-66-88> EDN JBIOIC

Received 29 March 2023; accepted 4 April 2023.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. V. Degtyarev (2023). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Перевод выполнен по изданию: Pugin, A. W. (1841) *Contrasts: Or, a Parallel between the Noble Edifices of the Middle Ages, and Corresponding Buildings of the Present Day; Shewing the Present Decay of Taste*. London: Charles Dolman Publ., 194 p.

Глава III.

О протестантском начале и грабеже
и разрушении церквей при Генрихе
Восьмом.

I sing the deeds of great King Harry,
Of Ned his son and daughter Mary;
The old Religion's alteration,
And the establishment's first foundation;
And how the King became its head,
How abbeys fell, what blood was shed,
Of rapine, sacrilege, theft
And Church of gold and land bereft.

(Пою дела великого короля Гарри,
Его сына Неда и дочери Мэри;
Изменение старой религии,
И основание утвержденной веры;
И как король стал ее главой,
Как пали аббатства, как пролилась кровь,
О насилии, святотатстве, воровстве
И о церкви, лишенной золота и земли).

Происхождение того, что в нашей стране обычно называется Реформацией, известно слишком хорошо, чтобы много распространяться об этом предмете; однако требуется сказать несколько слов, дабы разъяснить возрастание Протестантской или разрушительной доктрины.

Король Генрих восьмой, обнаружив тщетными все надежды на утверждение Понтификом его противозаконного развода, вознамерился освободиться от духовной узды Апостольского престола; и ради этого сделал так, чтобы его объявили высшим главой Английской Церкви. Этот самонадеянный и нечестивый шаг еще сильнее разжег негодование тех, у кого достало постоянства и твердости предпочесть интересы религии воле тирана, в коем воплотились несправедливость и нечестие мирянина, возжелавшего возглавить Христианскую Церковь.

Их возражения не принесли плода, и тяжкие гонения обрушились на тех, кто смело сопротивлялся этому неслыханному и опасному нововведению; и среди бесчисленных жертв этих событий довольно лишь назвать имена благочестивых и ученых епископа Фишера, Томаса Мора и аббата Уайтинга, чтобы показать всю несправедливость и жестокость сего безжалостного тирана.

Король же, когда утвердился в своем новом достоинстве, осыпав золотым дождем тех, кто был настолько низок, чтобы покориться его воле, и грозя плахой и виселицей каждому, кто

смел противиться его бесчинствам, нашел необходимым пополнить свои сундуки, и обеспечить сотрудничество, потребное для продолжения своих святотатственных затей.

Шаг, им предпринятый, означал полный переворот в религии и проложил дорогу всем тем бедствиям, что вскорости последовали одно за другим.

Со времени обращения этой страны в Христианскую веру, благочестивые и благородные личности всегда находили в себе рвение для устройства и содержания большого числа религиозных заведений; трудам же их насельников мы обязаны не только сохранением и развитием литературы и науки, но самим замыслом и, частично, исполнением как самих великих церковных зданий, так и изысканных и драгоценных изделий, некогда их наполнявших.

Неослабевающему рвению и трудолюбию этих людей, отрешившихся таким образом от всех земных забот, и приобретших чрез это возможность посвятить жизни свои изучению всего возвышенного и восхитительного, церкви их возрастали в великолепии; их сакристы были заполнены священными сосудами и роскошными облачениями, ценность материалов которых затмевалась лишь изысканностью форм, в кои они были воплощены; полки же их книгохранилищ ломались под тяжестью множества огромных томов, самый скромный из коих стоил мастерам многих годов упорного труда.

Можно было бы бесконечно распространяться о тех благах, доставляемых этими великолепными заведениями; довольно будет сказать, что через их безграничное милосердие и гостеприимство бедные были полностью обеспечены заботой.

Там находилось место, как для назидания юношества, так и для отдохновения старцев; и те великие успехи, кои достигли монашеские общины во всех родах искусств и наук, показывают, какое применение они находили времени, не посвященному богослужениям и отправлению непосредственных обязанностей, налагаемых орденом.

Для монарха же, не почитавшего ни святости, ни искусства, эти заведения были не более чем вызовом его алчности, и верный способ пополнения истощенной сокровищницы; и безотнositельно последствий столь святотатственного поступка, он продолжал пользоваться той властью, что давало ему новоприобретенное главенство, обратив себе на пользу и заставив служить своим целям земли, посвященные Господу древним благочестием и столь долгое

время служившие поддержкой верующих, ученых и бедных.

Он осуществил эту перемену самым искусным образом, назначив уполномоченных для предполагаемого исправления церковных злоупотреблений; в действительности же для завершения полного ниспровержения домов веры, облыжно обвинив их в неподчинении и подвергнув казни всех, кто противился его намерениям, как отрицающих высшую власть короля.

Такими мерами он добился парламентского акта о закрытии всех заведений, чьи доходы составляли не более 300 марок в год.

Эта чудовищное постановление, согласно которому были распущены 376 монастырей и огромное число верующих рассеяны за границей, предполагалось лишь как прелюдия к тому, которое вскоре последовало, и предписывало не что иное, как полное закрытие больших аббатств, а также множества колледжей, больниц и часовен, о чем Бейкер в своей «Хронике» приводит точные цифры: монастырей — 645, колледжей — 90, 100 больниц для бедных и 2374 часовни. Все земли, принадлежавшие этим заведениям, в совокупности со всевозможной церковной утварью огромной ценности, были присвоены этим алчным и нечестивым тираном и обращены к его пользе, в то время как законные владельцы остались обездоленными.

Эти действия могут считаться окончательным ударом, нанесенным церковной Архитектуре Англии, и с этого времени мы можем лишь следить за печальной чередой разрушений и уродований, либо полностью уничтоживших прекраснейшие постройки Средних Веков, либо настолько лишивших их первоначальных красот, что оставшееся способно только возбудить сожаление о том, что навсегда утрачено для нас.

С истреблением и рассеянием верующих все здания, строившиеся в то время, были, разумеется, немедленно остановлены строительством; многие из бывших обитателей оных бежали искать убежища в чужих краях, где древняя вера оставалась пока ненарушенной; оставшиеся же, ввергнутые в нищету, сделались униженными просителями милосердия, каковое прежде столь щедро расточали на других; со слезами и горькими сетованиями наблюдали они как здания, вобравшие в себя столь много труда и заботы, передаются в руки алчных придворных прихлебателей то по игре случая, то как награда за пресмыкательства.

Они видели, как сдирают свинец с крыш и шпилей их почтенных церквей, ради удовлетворения расточительной роскоши распутного

двора; и вся прекрасная и драгоценная утварь, заключающая в себе реликвии почивших святых или веками служившая для торжественнейших обрядов церкви, исчезает в огне плавильного горна, превращаясь в простой металл.

Их библиотеки были разорены, их архивы уничтожены; самые останки их славных покойников были выброшены из могил с варварской бесцеремонностью.

Все это случилось столь быстро, что многие здания оказались снесены, пока раствор, скрепляющий камни, еще не затвердел; и многие каменщики, чьи не знающие усталости резцы создавали прекрасные формы, собственными глазами увидели плоды своих трудов обезображенными топорами погромщиков.

Воздействие таких зрелищ на клириков, оставшихся в своих церквях и соборах, представить нетрудно. Удрученные участью своих братьев-монахов, они оставались бездвижны, и не делали дальнейших попыток украшать те постройки, разрушения коих они могли ожидать в скором времени; и они ожидали, в ужасе и напряжении, новых шагов, которые предпримет нечестивый тиран, когда его алчность или надобности толкнут его на это. Обычно считают, и считают ошибочно, что перемена религии в нашей стране была результатом общего настроения, однако большинство людей, напротив, были искренне привержены к старой вере; правда же состоит в том, что великое здание Церкви было подорвано постепенно, шаг за шагом, пока, как в случае всякой революции, она далеко не превзошла намерения своих первых сторонников; и я убежден, что сам Генрих, будь он в состоянии предвидеть все последствия своего первого нечестивого поступка, устранился бы идти далее в избранном направлении. Он сам породил протест против догматов Протестантизма в этой стране.

Своими Шестью Статьями он подтвердил все основные принципы Католической веры, и единственными изменениями, внесенными им, было устранение молитвы о папе из мессы и имени св. Фомы Беккета из молитвенников. *In fine*, в церквях остались образа, служили мессу, как было принято, и обряды старой религии все исполнялись за тем лишь отличием, что их великолепие сильно уменьшилось, вследствие того, что король присвоил ценнейшую церковную утварь для своего пользования.

И неверно было бы числить Генриха среди тех, кого называют Реформаторами, если только не его страсть к разорению и разрушению, присущая тем, позволит объединить его с ними; ибо он ни в каком отношении не походил на тех,

кто строил в дальнейшем на заложенном им основании. Он неразумно воображал, будто бы может присвоить богатства и власть Церкви и сохранить то же единство и дисциплину как те, кто хранил ее по апостольскому преемству; но был горько разочарован.

Подавление религиозных заведений и разграбление и осквернение святынь и мест, которые столь долго считались святыми, породило сомнение и неуверенность среди людей, которых было легче возбудить, нежели успокоить.

Частные суждения относительно предметов веры и различные еретические сочинения, завезенные из Германии, породили чувства неуважения к священству и презрения к религии, что только усиливались ежедневными нововведениями властей предрежащих, касающимися прав и собственности клириков; и Генрих при жизни с горечью увидел, что его приспешники и прихлебатели не смогли сохранить единство веры; напротив, колы скоро были разрушены чары, столь долго связывавшие людей воедино, они настолько же не были расположены подчиняться его предписаниям, как сам он — предписаниям старой веры, от которой он отступил.

В течение его жизни, однако, соборы и приходские церкви не особенно пострадали, помимо того, что они были лишены богатейших из своих украшений, а все разрушения пришлось на долю монастырских построек; и лишь когда вззошел на трон его малолетний сын Эдуард VI, проявились истинные чувства, порожденные новыми порядками, и в полную силу развернулись грабежи и разрушения.

Глава IV.

О грабежах и разрушениях церкви при Эдуарде VI и после окончательного утверждения новых доктрин актом Парламента

Какие бы бедствия ни принесла религии и церковной архитектуре вторая половина царствования Генриха, следующее царствование — Эдуарда VI — удвоило их.

Во главе Церкви в этой стране оказался мальчик девяти лет от роду, неспособный, конечно же, к самостоятельным мыслям и действиям и годный только на то, чтобы служить средством, для тех, кто составлял правительство.

Оно же, к несчастью, состояло из людей, смотревших на собственность Церкви не иначе, как на свою законную добычу, и которые, стра-

шась того, что в случае, если бы древняя религия была восстановлена, они не только утратили бы все возможности к дальнейшему обогащению, но и принуждены были бы возвратить то, что приобрели столь гнусным образом, нашли выход в создании нового учреждения, целиком зависящего от временной власти, под прикрытием которого они могли бы безнаказанно грабить; отменив же все высокое и величественное сопровождение, что столь многие века делало обряды Церкви столь торжественными и впечатляющими, они оставили бы в своем распоряжении всю церковную утварь, служившую для этого, смогли бы сократить священство в числе и даже снести значительные части церковных строений, присвоив себе материалы или нажившись на их продаже.

Для того чтобы этого добиться, те из старых епископов, кто не примирился бы с разорением своих епархий, были смещены, а их кафедры переданы людям, готовым отдать властям львиную долю своих владений, чтобы приобрести достоинство, на которое они не только не имели законного права, но и не могли питать надежд.

Вероломный и двуличный Кранмер, который при жизни Генриха внешне придерживался старых установлений, теперь сбросил маску, объявил себя злейшим врагом того, что исповедовал всю свою жизнь, и, желая втереться в доверие к временщикам, оказался настолько подл, что уступил им половину земель, принадлежавших Кентерберийскому Диоцезу.

Все земли Церкви были повсеместно урезаны сходным образом ради расширения поместий знати; но мародерство не ограничивалось земельной собственностью Церкви: так, когда у протектора Сомерсета родился замысел возвести на Стрэнде пышный особняк, это привело к разборке на строительные материалы великолепных галерей собора Св. Павла, нефа монастырской церкви Св. Варфоломея в Смитфидле (только что законченной), пяти церквей и трех дворцов епископов — столь мало почтения к религии или к искусству выказывали эти новые церковники. И после этого какие еще нужны доказательства полнейшего неуважения к постройкам, предназначенным для церковной службы, если сам лорд-протектор, будучи формально верховным главой Английской Церкви, разрушает изрядную часть столичного собора и прочие церковные постройки, лишь для того, чтобы удовлетворить свой суетный каприз.

Чтобы продолжить разорение и грабеж под маской возврата к первобытной простоте и пресечения суеверия, были изданы Акты для обезобразивания икон, разрушения алтарей

и конфискации всей церковной утвари, не попавшей в жадные руки уполномоченных Генриха, или оставленной как совершенно необходимая для исполнения обрядов в древнем стиле; и так церкви постепенно были опустошены, так что в каждой остались только по одному пожитку и дискусу. Миряне-реформаторы самым мелочным образом настояли на том, чтобы ни один из новых обрядов и церемоний не был бы утомительным или дорогостоящим, и не нуждался бы в ценных и красивых предметах, что помешало бы дальнейшему грабежу. И с тех самых пор, как была установлена новая религия, нужда во всех великих Церковных Постройках отпала; новые же обряды могли бы нисколько не хуже проводиться в большом сарае, лишь политика этих реформаторов заставила их сохранить некоторые из старых зданий, и оставить некоторые из старых титулов, чтобы обезопасить земли и пожертвования, которые, без подобных показных мер, как им казалось, было бы невозможно сохранить и собрать. И этим соображениям мы обязаны сохранением тех соборов, что можем видеть сейчас: не думай, читатель, будто бы великолепие их архитектуры (construction) или изящество их облика воздействовало на реформаторов и заставило их сберечь. Не высота шпиля в Солсбери, не размер фонаря (lantern) в Или, не освещение хора в Глостере или торжественное величие нефа Уикхема в Винчестере, были причиной того, что их выдвинули и пощадили посреди всеобщего возмущения. Многие рассыпающиеся руины, разбросанные по лицу этой страны, отмечают места, где некогда величественно вздымались церкви, столь же огромные и столь же прекрасные, как те, что мы видим ныне. Гластонбери, Кроулэнд, Рединг, Св. Эдмунд и многие другие не уступали прочим в размере или величии; в них были могилы прославленных умерших, алтари, часовни, и все было наполнено произведениями выдающегося мастерства. Но их больше нет; приговоренные к разрушению и пренебрежению, они гибли постепенно, и все, что остается ныне от их некогда великолепных громад, это бесформенные куски каменной кладки, слишком прочно соединенной, чтобы выгодно было их разрушать.

В таком же состоянии мы бы сейчас видели и соборы, если бы не было условлено сохранять от старого порядка все, что способно было послужить приверженцам нового; поскольку эти реформаторы, хоть и проповедовавшие возобновление апостольской простоты во всех вещах, поддержание которых требовало от них рас-

ходов или хлопот, никак не стремились сделаться продолжателями их бедности.

Дело было в другом; они не возражали против папистских названий декана, каноника или пребендаря, потому что к ним присовокуплялись изрядные доходы, хотя мне и не приходилось слышать о том, чтобы эти чины упоминались в Святом Писании, что для людей, всецело отвергающих традицию Церкви, должно было бы стать непреодолимым препятствием.

Но алтарь, ежедневное освещение и убранство которого требовало изрядных трат, а его богатые принадлежности могли обернуться существенными трофеями, должен был подвергнуться разрушению, и на его место водружен простой квадратный стол, как более подходящий апостолам. Почему же эти восстановители простоты не покинули церкви и не стали собираться в комнатах? Лишь потому, что им бы пришлось тогда отказаться от своих видов на земли; и они сидели, довольные, на тех же сиденьях, и в том же самом хоре, который раньше занимали их Католические предшественники.

Это лишь один пример непоследовательности, сопровождавшей основание Государственной Церкви; и я останавливаюсь на этом затем только, чтобы показать, каким приземленным и грязным побуждением мы обязаны частичным сохранением того, что остается, и сколь малую роль в этом сыграли любые соображения, помимо корыстных. Пока что я изображал ужасные воздействия на постройки совместных ударов алчности и фанатизма; далее я покажу, как они продолжали страдать, когда новые порядки были, наконец, закреплены законом.

Алтари были повсюду разрушены; цветные стекла во многих местах выбиты из окон, которые они столь прекрасно заполняли; статуи святых оставлены обезглавленными в обезображенных нишах, или полностью изуродованы; крест, величайший символ искупления, повсюду брошен под ноги; резьба сломана; дарохранительницы разбиты; и постройки очищены до возможного предела от изображений, указывавших на то, что они были посвящены исполнению торжественных обрядов древней Церкви, оставшись нагими настолько, насколько мог пожелать этого строжайший последователь Женевской Церкви.

Разорение к тому времени почти закончилось; все, что было богатого и ценного, давно исчезло; даже бронзы почти не стало; а свинцовые гробы усопших стали столь редки, что уже не могли насытить плавильный тигель.

Дальнейшие эксцессы были запрещены; здания провозгласили достаточно очищенными

от древнего суеверия; топор и молот были отложены в сторону; и опустошенным постройкам было предназначено претерпеть второе испытание, почти такое же разрушительное, как и первое – быть приспособленными для новых форм службы: и когда мы думаем о тех ужасных поновлениях, переделках и разрушениях, которые претерпели наши почтенные постройки, — всегда исполняемых равнодушными и скупыми священниками, грубыми и расчетливыми приходскими властями, и невежественными и лишенными вкуса строителями, — я, не колеблясь, заявляю, что у любителя древнего искусства больше поводов сожалеть о происходившем в то время, когда церкви использовались по их теперешнему назначению, нежели даже о случившемся в те трагические времена, когда они были осквернены.

Способ приспособления церквей для исполнения новой литургии состоял в перекрытии нефов и приделов фильтрами, называемыми фамильными скамьями; поверх этой массы перегородок вздымалась кафедра для проповедника и чтеца; одновременно квадратный стол, увенчанный королевским гербом, везде заменивший собой распятого Спасителя, завершает список необходимых нововведений, — вряд ли стоит говорить, что они настолько же неприглядны, насколько старинные предметы были уместны и красивы.

Если бы соображения приличия и удобства возобладали бы над экономией, старые церкви оказались бы вовсе заброшены, а новые дома молитвы строились бы похожими на нынешние часовни диссентеров; ибо все, что требовалось, и что, действительно, более всего соответствовало Протестантской службе, это большая, хорошо проветриваемая комната; кафедра, расположенная так, чтобы все собрание видело и слышало проповедника; стол для причастия посередине, и два или три яруса галерей; с их помощью многочисленная аудитория разместится в небольшом пространстве.

Старые здания являют собой противоположность всему перечисленному, и совершенно не приспособлены для любой службы, кроме той, для которой они были возведены; но они уже были, и их, так или иначе, приспособили для новой службы; отсюда и все нелепости, которые мы видим в старых приходских церквях.

Приделы разрезаны на части галереями всевозможных размеров и высоты; неф перегороден скамьями; сиденья для певчих убраны со своего старого места в алтарной части и перемещены в самые странные места; деревянные панели отталкивающего вида и полностью замазанные

краской, на которых написаны Символ веры и Заповеди, полностью закрыли собой алтарную резьбу, выступающие части которой к тому же еще и пришлось сбить. Значительные части церкви, для которых не нашлось применения, замурованы, чтобы сделать дом молитвы уютнее и комфортабельнее; порталы закрыты и превращены в машинные сараи¹, и так далее; и чем они стали после всего сделанного, кроме как неподходящими, неудобными для того, для чего они используются, зданиями? Признаю с горечью, что все эти непотребства не ограничиваются ни захолустными деревнями, ни даже приходскими церквями: гнусности, не менее отвратительные, чем те, что я перечислил выше, и достойные осуждения, намного более, поскольку происходят от людей, чье имя, образование и положение могли бы внушить нам надежду на лучшее, можно обнаружить в университетских церквях и в соборах, управляемых высшими классами, так же как и в строениях, вверенных попечению невежд.

Итак, я полагаю, что сумел показать, насколько тесно упадок церковной архитектуры в нашей стране связан с возрастанием протестантского начала.

Сперва я показал, как она была остановлена из-за разрушений алчного Генриха, и из-за потери тех чувств, которые поддерживали ее столь успешно многие века.

Далее я раскрыл, как алчность и фанатизм, будучи следствием новых взглядов, вызвали разграбление и разрушение все тех великолепных произведений, которые, будучи хранимы древней верою, обогащали и украшали собою все священные громады.

Затем я показал, каким убогим и низменным побуждениям мы обязаны сохранением того, что еще осталось; и наконец, я показал, что для того, чтобы сделать церкви подходящими к новому богослужению, многие из их величайших красот были разрушены, а их древнее и уместное убранство изуродовано.

Есть еще одно обстоятельство, о котором я до сих пор не говорил, однако оно — из числа наиболее ужасных, наиболее бедственных и самым серьезным образом препятствует созданию великих произведений церковного искусства: речь о полной утрате религиозного единства меж людьми. Когда были введены Общая Молитва и Статьи, тяжелые пени и наказания вплоть до смерти налагались на тех, кто

¹ Прекрасный южный портал некогда великолепной церкви в Хаудене, в Линкольншире был недавно переделан в ризницу.

не принимал их как единственное правило веры или способ религиозного отправления; и такими мерами люди были на краткое время принуждены к показному единообразию. Но куда девались внутреннее единство душ и вера, издревле связывавшая людей воедино?

Увы! Все это исчезло без следа. Где те незапные дары, искренние приношения, щедрое пожертвования, питавшие древнюю Церковь и служившие приобретению великолепных произведений? Все переменялось, и не только эти чувства исчезли, но даже простейшая починка зданий, возведенных в великолепии на добровольные людские дары, осуществлялась из налогов, выбиваемых под страхом закона у сопротивляющихся прихожан, две трети из которых, по разным причинам, равно ненавидели навязанный им порядок, который они вынужденно поддерживали. Сельские священники больше не считались пастырями народа, на высшее духовенство не смотрели с благоговением; в первых видели всего лишь род мытарей, собиравших налоги там, где их приходится платить, на вторых же с завистью взирали алчные аристократы, в то время как народ видел в них бесполезную кучку государственных чиновников. Нарастание таких настроений в течение первого столетия установленной церкви вызвало ниспровержение новой религии и полное прекращение ее обрядов при правлении узурпатора Кромвеля, время, настолько известное в английской истории, что о нем нет нужды более распространяться; и те же настроения сопутствовали ее возрождению при реставрации Стюартов, и даже сейчас открыто высказываются великим множеством людей.

Было бы справедливым заметить, что большая часть страшного опустошения, описанного в этой главе, была вызвана алчностью правительства или временных властей, в чьи руки вероломный Кранмер и его изменники-подручные предали клириков Английской Церкви, вынужденных сделаться безучастными свидетелями собственного крушения. Даже те, кто принял новую литургию, не стремились слишком отступать от древних Католических обычаев; однако будучи раз вовлеченными в воронку обновления, они попали под влияние Кальвинистской группировки, которая, наживаясь на беспорядках, лишила беззащитную Церковь ее торжественных обрядов лишь для того, чтобы захватить ее доходы. Многие святые и почтенные обычаи были малодушно отброшены в тщетной надежде примириться с этими гнусными еретиками, но, как можно догадаться, безуспешно; поскольку даже сейчас отступники

так же громко возмущаются бедным призраком древнего обряда, сохранившимся донныне, как возмущались они торжественными ритуалами Церкви в ее былой славе.

Глава V.

О Нынешнем недостойном Состоянии Церковных Зданий

Сейчас я перехожу к исследованию нынешнего состояния Церковных зданий после того, как они пережили три столетия разорения, небрежения и скверного возобновления.

Сперва я останавливаюсь на соборах, самых величественных из сохранившихся памятников прошлого, которые в силу этого заслуживают рассмотрения в самом начале.

Всякий, кто знает церковные древности и путешествовал по нашей стране для того, чтобы внимательно изучить эти удивительные постройки, которые, хотя и лишены более, чем половины своих красот, все еще гордо возвышаются над строениями, сооруженными рядом с ними бессильными руками нынешних людей, должен был с первого взгляда испытать удивление и восторг, которые быстро сменились огорчением и отвращением при виде большинства из них, умышленно изуродованных, и жалкого несоответствия их нынешних обитателей тем просторным и благородным зданиям, которые они занимают.

Когда возводились эти гигантские церкви, каждая их часть была предназначена для определенной цели, которой в точности соответствовало их расположение и украшение. Так, хор был предназначен исключительно для духовных лиц, каждый из которых занимал свое особое место; размеры нефа были рассчитаны для несметного сборища людей, которые, безотносительно звания или состояния, перемещивались в ритуале службы Господней; боковые же нефы предоставляли пространство для чинных шествий духовенства.

Различные часовни, каждая со своим алтарем, обслуживались разными священниками, которые, сменяя друг друга с шести часов утра, служили мессы, так что люди всех рангов и занятий могли уделять часть дня исполнению религиозного долга. Клуатры образовывали тихие и защищенные деамбулатории для размышлений клириков; дом же капитула был благородным залом, где они встречались ради возвышенного и повседневного общения.

Двери этих церквей закрывались лишь на несколько часов по ночам, так что они представляли собой места, где люди могли бы постоянно возносить свои молитвы. Но как же эти церкви используются сейчас? Раскрыты ли постоянно их двери, чтобы принимать верующих? Нет; за исключением двух кратких отрезков времени, предназначенных для того, чтобы поддерживать некоторую форму культа, их врата тут же закрываются, да и внутрь не попасть, не предложив мзду привратнику. Спросите о причинах этого явления, и вы услышите, что, будь церкви открыты, они были бы полностью обезображены, и даже стали бы сценой для всякого непотребства. Если все это правда, а я боюсь, что так оно и есть, каким, спрашиваю я, должно быть нравственное и религиозное состояние страны, где церкви нужно запирают, чтобы они не подверглись осквернению и разграблению со стороны народа? Как исчезли древняя вера и благочестие? В самом деле, чувство личной веры настолько потеряно в этих церквях, что всякого, кто преклонил бы там колена в любое время, нежели то, которое отведено для Божественной службы, или в любом месте, кроме специально предназначенного для этого, сочли бы повредившимся в рассудке и, возможно, попросили бы его покинуть здание. Нет; соборы посещаются, в силу совершенно других соображений, разными классами людей. Первый класс — те, кто связан с собором или живет неподалеку, они бывают там каждое воскресенье чисто механически; второй — те, кто не имеет вкуса к молитвам, но любит музыку, и поэтому забегает, как говорится, послушать гимн; третий класс образуют люди, проходящие, чтобы увидеть церковь. Это туристы; они едут, чтобы увидеть все то, что нужно увидеть; поэтому они осматривают церковь, — *id est*, они обходят ее кругом, читают эпитафии, находят ее очень милой, очень романтической, очень старой, предполагают, что она была построена в суверенную эпоху, меряют шагами длину нефа, пишут свои имена на колонне, и исчезают, поскольку времени мало, а увидеть нужно еще очень много.

Четвертый класс составляют те, кто в ярмарочные дни отправляется посмотреть на большую церковь, построенную древними Римлянами, поскольку они уже осмотрели все виды и выставки. Их обычно бывает много, чтобы причетник смог отправить с ними человека, показывающего им разные удивительные вещи и рассказывающего удивительные истории о монахах и монахинях; и после того, как они все обегут, они выходят наружу и обсуждают

увиденное, пока не заметят какую-нибудь диковину получше.

Таковы большинство родов посещающих эти удивительные строения, из которых никто ни в малейшей степени не ощущает ни святости места, ни величия постройки, и действительно, число тех, на кого эти обезображенные, но все еще достойные восхищения здания оказывают полное и глубокое воздействие, весьма невелико. Мало таких, кто, несмотря на все перемены и разорение, которые они претерпели, может вообразить себе все величие их ушедшей славы, и кто, горячо презирая бессердечную толпу, глазеющую по сторонам, оплакивают те навсегда ушедшие времена истинной веры, порождавшие разумы, способные замыслить столь грандиозные и славные постройки, и рвение, чтобы их осуществить. Именно такие души остро ощущают скудость, бесплодность и неуместность того применения, которое было навязано этим строениям; и в их глазах изящный современный священник, перемещающийся от входа к ризнице, произносящий молитвы, и вновь возвращающийся от ризницы ко входу, как нельзя более неуместный среди всей благородной обстановки, достоин только презрения. Что общего у него, спрошу я, со служителями церкви прошлых времен? Можем ли мы его видеть после окончания службы молитвенно преклонившим колена в уединении какой-нибудь часовни? Можем ли мы его видеть прогуливающимся в размышлении в тех сводчатых клуатрах, что были построены как раз для уединенных размышлений духовных лиц? Нет; он заходит в церковь лишь тогда, когда долг зовет его; он покидает ее, как только возможно; он относится к зданию только как к источнику дохода; он живет религией — это его ремесло. Тем не менее, такие люди с холодными и черствыми сердцами, равнодушные к любому проблеску прежней искренней веры, с презрением и насмешкой говорят о тех великих душах, чей могучий разум и благородные сердца создали все эти сооружения, и чьей благочестивой щедрости они обязаны каждым своим шиллингом.

Способны ли они на обычную благодарность? Нет; каждый день они повторяют клевету и поношения на ту религию и веру, благодаря которым появилась собственность, которой они пользуются, и влияние которой только и могло воздвигнуть здания, которыми они якобы восхищаются, при этом осуждая и высмеивая породившее их дело.

Можем ли мы надеяться на что-то хорошее, пока такие люди пользуются, или, лучше сказать, владеют этими великолепными громадами?

Люди, которые либо оставляют церкви разрушаться от небрежения, либо, если они считают, что обладают кое-каким вкусом и располагают деньгами, порождают бедствия, намного сильнее, нежели само время, неуместностью и бессмысленностью своих нововведений. Из этого разряда те, что были предприняты Епископом Баррингтоном в Солсбери и осуществлены недоброй памяти Джеймсом Уайеттом, заслуживают строжайшего осуждения.

Во время этого улучшения, как его называли, почтенная колокольня, величественное и выразительное сооружение, стоявшее с северо-восточной стороны церкви, была снесена, а колокола и все материалы — проданы; были разрушены часовни Хангерфорда и Бошана, а надгробия совершенно неподобающим образом помещены между колоннами нефа; и совершилось множество прочих варварств и искажений, слишком многочисленных, чтобы пересказывать их.

Ничуть не менее отвратительно было уничтожение старинных оконных переплетов и стекол в восточном окне и окнах боковых приделов Часовни Св. Георгия в Виндзоре и замена их новыми, исполненными Уэстом, художником робким и топорным, работы которого в любом случае стали бы позором, а здесь, заменив собой прекрасные произведения старого архитектора, сделались еще ничтожнее. *In fine*, куда бы мы ни посмотрели, мы увидим, что, были ли здания заброшены или подвергались улучшениям, то и другое оказывалось в высшей степени пагубным.

Нельзя отрицать, что эти сооружения совершенно не приспособлены для нынешних обрядов Государственной Церкви, будучи лишены того, в чем сейчас так нуждаются — комфорта; и, поскольку хоры были приспособлены для целей приходской церкви, нуждающейся в гостинице, ради чего все черты старинной архитектуры были быстро уничтожены. Что может быть отвратительнее, чем, зайдя на хоры собора, увидеть, что скамьи, номинально предназначенные для служителей Церкви, заняты мирянами всякого звания? И даже епископский трон, самая кафедра, в отсутствие епископа может быть обитаема какой-нибудь случайной дамою? Чувство приличия и уместности здесь настолько потеряно, что, если бы не присутствие здесь нескольких поющих мужчин и мальчиков и не голова одинокого священника, бросающего взгляды поверх подушки, собравшихся можно было бы счесть группой индипендентов, занявших хоры как временную молельню. А потом наступает мгновение, когда хористы,

викарии и вся паства разом устремляется к дверям, создавая давку самого неприличного свойства.

Все это произошло из-за того, что было изменено старое правило, отводящее хоры исключительно для духовенства; но оно было отменено новыми церковниками, посчитавшими, что их вид недостаточно представительен, так что они впустили внутрь народ, чтобы скрыть изъяны своего облика.

Это привело к перегораживанию хоров скамьями, что стало одним из худших нововведений, которые соборы когда-либо претерпели; так, все изменения, которыми были подвергнуты соборы в Питерборо и Норидже, привели к полному разрушению образа хоров, середины которых были заполнены скамьями и сиденьями, что превратило великолепие открытого пространства в тесный коридор.

Тщетно украшать переднюю часть этих сидений резьбой и панелями; самый принцип порочен, и все, что делается, лишь выставляет изъян более явно.

Эта картина современного состояния соборов ужасна, но не преувеличена; всякий может убедиться в ее истинности, самостоятельно исследовав соборы и то, как проходят в них службы.

Зайдите в прекрасную церковь в Или и сами увидите результаты небрежения: вода, сочащаяся сквозь прорехи в кровле, разрушает самую сердцевину здания; трещины в восточной башне, которые, не получая ремонта, быстро расширяются. Потом взгляните на то, что раньше было домом капитула, но теперь забито скамьями и прочим хламом, притащенным из приходской церкви, которую причт отказался ремонтировать. Посмотрите на то, как не подходящие друг к другу кивории составлены парами и побелены. Оценив общий упадок церкви, вспомните, что в Или все же собирают богатые пожертвования. Каковы же сердца тех людей, из которых состоит причт? Но они еще вполне приличны на фоне прочих.

Я говорю об этом только потому, что Или — одна из наиболее интересных сохранившихся церквей, но она находится в самом жалком состоянии.

То же самое будет верно в отношении большинства других великих церквей. Само Вестминстерское Аббатство, несомненно, лучшее из зданий столицы (если его очистить от неуместных и отвратительных монументов), находится в прискорбном небрежении, и его продолжают уродовать, воздвигая в нем очередные уродливые глыбы мрамора. Получив недавно возмож-

ность осмотреть интерьер этой прекрасной церкви, я испытал невероятное отвращение, обнаружив, что половину часовни Св. Павла занимает огромная фигура Джеймса Уатта, сидящего в кресле на громадном квадратном пьедестале с какими-то безвкусными украшениями, которые, поскольку они не похожи ни на Греческие, ни на Римские орнаменты, скульптор, по-видимому, посчитал Готическими.

Создал это творение не кто иной, как сэр Ф. Чантри². Вне всякого сомнения, эту фигуру изначально предполагалось поставить в центр какого-нибудь большого террасного сада; она не могла предназначаться для интерьера аббатства: на своем теперешнем месте она настолько ужасна, что, если бы сэр Френсис действительно намеревался ее туда поместить, его бы стоило раздавить под ее огромным пьедесталом, чтобы не дать ему снова совершить столь тяжкое прегрешение против хорошего вкуса.

Но должно ли это благородное сооружение вечно загромождаться и уродоваться постоянно воздвигаемыми неуместными и безвкусными памятниками? Неужели у декана и причта не хватит власти, чтобы пресечь их появление? Но чего мы можем от них ожидать или на что надеяться, когда они допускают, чтобы мерзкие куклы выставлялись внутри священных стен, делая аттракцион более привлекательным для отдыхающих? О, души усопших аббатов, можете ли вы это вынести? Грандиозные здания, что вы построили, могилы великих людей, что лежат внутри них, — все это недостаточно привлекает толпу; к этому нужно добавить марионеток, чтобы причт собирал медяки. О, горькое унижение!

И это происходит в величайшей церкви нашей столицы. В мавзолее наших королей; в месте, представляющем огромный интерес искусностью постройки и связанными с нею историческими воспоминаниями.

Можем ли мы удивляться тому, что я ранее утверждал, — и, как мне кажется, сумел доказать, — что наши соборные церкви стали не более, чем развлечением для народа и рассматриваются духовенством только как источник дохода?

Небрежение, в котором находится эта церковь, некогда величественная, есть национальный позор. В то время, как десятки тысяч ежегодно выделяются на пустяковые цели, и сотни тысяч были недавно потрачены на сущие архитектурные уродства, никто не предложил даже небольшой суммы, чтобы сохранять в порядке

погребальные монументы наших старых королей, и странно видеть такое равнодушие среди тех, кто, по своему происхождению и положению могут считаться законными хранителями наших национальных древностей.

Где еще мы найдем, не в Англии даже, но во всей Европе, место, в котором было бы так много великолепных памятников древнего искусства — вдвойне интересных благодаря историческим ассоциациям, связанным с ними? Если мы встанем сразу за высокой алтарной преградой, прекрасной работы и с интересными изображениями, мы окинем одним взглядом могилы Эдуарда I, вторгшегося в Шотландию; Генриха III, перестроившего само огромное аббатство; доброй и благочестивой Королевы Элеоноры; Генриха V, завоевателя Франции; Эдуарда III и его королевы Филиппы; Короля Ричарда II; и последним по порядку, но не по значению, гробница Св. Эдуарда, которая, хоть и лишилась своих прекрасных и богатых украшений, все еще хранит гораздо большую ценность, мощи этого святого исповедника, чьи добродетели пережили бедствия так называемой Реформации, и до сих пор сохраняются, чтобы служить образцом нашим монархам при торжестве их коронации.

Через арки часовни Генриха V можно видеть массивные бронзовые ворота и величественный вход в монументальную капеллу Седьмого Генриха — несравненный образец позднего стиля. Вдоль могил, которые я описывал, простираются приделы и боковые капеллы, заполненные изображениями священнослужителей и благородных людей, о которых говорится в английских хрониках, исполненные с несравненным совершенством; и все это находится в самом конце церкви огромной длины, сводчатый потолок которой поднимается более, чем на сто футов над мозаичным полом — церкви, история которой переплетена с историей нашей страны, и должна быть дорога нам благодаря всему, что с ней связано религиозного, древнего и национального. Нет нужды быть архитектором, антикварием или художником, чтобы понимать, как следует почитать аббатство Св. Петра в Вестминстере. Тот, у кого есть хотя бы одна искра той любви к родине и гордости за свой народ, которая должна гореть в груди каждого человека, будет почитать, как святыню каждый камень этого благородного здания; но как мучительно день за днем сидеть, как это сделал я, и видеть тот род людей, которые пришли осмотреть эту церковь и их чувства, с какими они бродят по ее священным приделам — стадо отдыхающих, приехавших в Лондон ради достопримечатель-

² Френсис Легат Чантри (1781–1841) — английский скульптор.

ностей и заглянувших в Аббатство по пути в Суррейский Зоологический Сад. Можно ожидать, что, благодаря близости Аббатства к Зданиям Парламента, Католические депутаты будут посещать его священные стены и пытаться впитать частицу благочестивого духа прежних времен, каковую его почтенная архитектура и надгробные памятники не смогут не внушить, и каковая была бы немалым утешением для Католической души, вынужденной присутствовать при шумных схватках политических битв. Однако я весьма сомневаюсь, чтобы эти господа когда-либо проникали к западу от Капеллы Генриха Седьмого. Равнодушие королевских особ к этой священной постройке весьма прискорбно; мы много слышим о том интересе, который проявляется некоторыми почтенными людьми к представлениям ученой обезьяны или конному спорту, но сколь малое внимание уделяют они месту упокоения своих предков.

Даже если они откажутся поделиться небольшой суммой из тех тысяч, которые они ежегодно растрачивают на пустыки, на столь благородный и достойный предмет, как реставрация национальных памятников, посещение забытой и оскверненной громады Вестминстера может преподать им урок о том, что почивших королевских особ легко забывают, и если памяти о тех великих королях Англии, которые, благодаря своей доблести и энергии, достигли важнейших побед, и были первыми в битве и совете, не достаточно, чтобы обеспечить достойное уважение к их гробнице, то какое забвение и ничтожество после смерти ожидает тех суверенов, жизнь которых есть рутинная модная роскошь, чье величайшее достижение прогулка на пони, а основное занятие — обеды!

Все же я готов признать, что в последние годы произошло значительное улучшение в тех частичных реставрациях, которые производились в некоторых соборах и других церквях, в отношении профилей и прочих деталей. Механическую сторону Готической архитектуры сейчас понимают хорошо, но чувства, которое влияло на старое искусство, и души, которая видна в старых работах, очень не хватает: их можно возродить, как я уже говорил ранее, только восстановив прежние чувства и настроения. Лишь они одни могут вернуть остроконечную архитектуру к ее прежнему великолепию; без этого все, что делается, будет лишь робкой и бездушной копией, верной в отношении механизмов стиля, но полностью лишенной тех чувств и настроений, которые отличают старинные вещи.

Поэтому все нововведения на хорах в Норидже и Петерборо настолько нехороши; детали

сами по себе аккуратны и хорошо исполнены, но общая композиция настолько чужда старому зданию, что я, не колеблясь, назову общее впечатление почти отвратительным. Нечто подобное можно сказать и о Кентербери, где я, тем не менее, склонен одобрить реставрацию. Была потрачена уйма денег, и, я прибавлю, с толком; в самом деле, перестройка северо-восточной башни это предприятие, вполне достойное старых добрых времен.

В этих работах, пока дело идет о профилях и прочих деталях, а также о покраске и позолоте, все делается как нельзя лучше; но когда мы увидим новый алтарь, то удивимся, как среди такого количества произведений искусства, которые хранятся в этой церкви, не появилась идея получше. Он в высшей степени нелеп и убог, и не содержит ни капли искренности прежних времен — это простое повторение одинаковых панелей; однако все это порождено нынешними настроениями.

Когда эту церковь использовали для древней службы, высокой алтарь привлекал всеобщее внимание: сама церковь была построена ради той жертвы, которая там приносилась; для его украшения не жалели ни золота, ни камней, ни серебра; старые художники, горевшие ревностью и благочестием, посвящали ему свои лучшие усилия. Целое было великолепно; каждая деталь изысканна и уместна. Такое произведение не получалось простым умножением панелей, и не служило задником для обыкновенного стола. Нет; художник чувствовал величие работы, которую ему поручили осуществить; алтарь служил для отправления самых торжественных обрядов церкви, и величие предмета наполняло его душу возвышенными чувствами и приводило к выдающемуся результату. Из таких чувств произошло все старинное искусство; и я повторяю, что без них остроконечная архитектура не сможет подняться выше слепого воспроизведения механических частей искусства.

Между этими громадными постройками и протестантской службой нет соответствия. Первые проповедники новых учений были настолько убеждены в этом, что обращали против них весь пыл своих инвектив. Новой религии соответствуют тайные собрания и моленные дома, но она не имеет ничего общего с величием прошлых дней; среди множества новых вероучений современная Англиканская Церковь единственная, что сохраняет соборы и епископство: и эти остатки древней Церкви так плохо совмещаются с нынешними мнениями и временным управлением, что общественное мнение

всегда на них ополчалось, и новый закон мог бы отменить их в одно мгновение.

Что за перспектива! Какому новому испытанию, каким новым разрушениям еще подвергнутся эти злосчастные строения? При этой мысли невольно вздрагиваешь. Обнесут ли их, как в Шотландии, стенами и поделят на моленные дома для диссентеров и Унитариян? Переделают ли их в фабрики или склады, как церкви Франции во время фатальной революции 1790 года; или, разрушенными, лишенными кровель, заброшенными, их оставят распадаться, как многие прекрасные здания, погибшие при перемене веры, от которых остались лишь несколько рассыпающихся арок, показывающих, что здесь что-то было? Что-то из перечисленного, вне всякого сомнения, произойдет, если нынешняя Государственная Церковь прекратит существование. Правда, эту гнетущую перспективу оживляет один луч надежды; что, если роковой день настанет, множество благочестивых и мыслящих людей могут возвратиться в лоно Католичества, что найдутся сердца и руки, желающие и способные уберечь эти славные громады от дальнейшего осквернения, и, в соответствии с духом ушедших времен, вернуть их к прежнему великолепию и вернуть для прежней службы.

Если же мы от соборов обратимся к тем церковным постройкам, которыми они окружены, мы увидим, что изменения и разрушения, которые они претерпели, чтобы удовлетворить идеям и капризам каждого нового обитателя, столь велики, что лишь с огромным трудом можно обнаружить черты их первоначального облика.

Все черты старой архитектуры были полностью изменены, ибо после того, как духовенство оставило церковную дисциплину ради покоя и комфорта; променяло старое гостеприимство на формальные визиты; и сделалось мирянами в любом отношении, кроме дохода и звания, оно нашло старые здания плохо приспособленными к изменившемуся обиходу; что служило начитанному, самоуглубленному священнику или щедрому, гостеприимному прелату прежних времен, нисколько не подходило для женатого, общительного, веселого клирика или современного епископа, чья супруга должна соответствовать обычаям светской жизни.

Поэтому епископские дворцы были либо снесены и отстроены заново в уменьшенном виде, либо их лучшие части были оставлены на произвол судьбы, как бесполезные, а обитаемые части изуродованы ремонтом. Жилища ректоров и каноников не избегнули еще худшей

участи: многие старые постройки были полностью снесены, а вместо них появились уродливые квадратные коробки; и все было изуродовано: домовые часовни повсеместно разрушены или приспособлены для чего-то низкого; старые дубовые потолки оштукатурены; панели убраны или заклеены обоями; стрельчатые окна растесаны и снабжены обычными подъемными рамами; появились огромные простые кирпичные постройки, чтобы обеспечить место для приемов; веранда и возможно оранжерея. И вот, таким способом дома каноников делаются пригодными для проживания в течение трех месяцев.

Далее, если мы исследуем здания, которые в старину строились для викариев, служащих в соборах, как в Уэлсе, мы увидим, сколь печальную перемену они претерпели! Когда эти здания строились, викарии были уважаемой когортой священников, живущих коллегиальным образом; у каждого была своя комната или две; общая зала, где они собирались на трапезу, и часовня (над которой была библиотека, полная богословской и исторической мудрости), располагались в противоположных концах клуатра. Все эти здания были весьма красивого облика, а щедрый Епископ Бекингтон их значительно расширил; и так хорошо устройство каждой части этого строения и его связь с собором через клуатр с роскошными воротами, что, несмотря на все утраты и переделки, которые ему довелось претерпеть, и его нынешний упадок, оно до сих пор остается одним из интереснейших образцов церковных зданий, соединенных с соборами, и дает наилучшее представление о достоинстве жилищ церковнослужителей, и о соответствии их облика облику тех строений, к которым они образовывали дополнения.

Но, как только все ощутили пагубное влияние новых мнений, этот оплот благочестия и учености претерпел фатальную перемену.

Число викариев сократили до трети их первоначального количества, и их земли настолько разграбили, что эту церковную функцию передали мирянам, единственным умением которых было заурядное пение, так что жалкие гроши, которые у них остались, хотя и недостаточные для человека, служащего церкви, могут до сих пор заставить бедного лавочника дважды день отложить счета и бежать на службу, чтобы потом вновь поспешить к недовольным покупателям.

Когда здания, возведенные щедростью Рождера де Салопия и Томаса де Бекингтона, попали в руки подобных людей, результат легко можно вообразить.

Постепенно они впали в убожество; жилье сдавалось разным нанимателям, которые изменяли его как им было угодно; а большая зала могла использоваться только тогда, когда какому-нибудь очередному мошеннику требовалось большое помещение, чтобы выставить плоды своей ловкости, или, что еще хуже, сдавалась внаем для школы танцев.

Библиотеки таким людям были не нужны, ведь они никогда не брали в руки никаких книг, кроме бухгалтерских записей, а из страниц любого древнего автора могли бы сделать только обертки для своих покупок.

Поэтому не нужно удивляться, что отдельные страницы манускриптов, да несколько заплеванных томов, сваленных в углу чулана с документами, это все, что остается от собрания, которое, судя по учености его основателей, было столь же полезным, сколь любопытным и содержательным.

Эти так называемые мирские викарии настолько опустились, что среди них можно встретить даже трактирщика. Такого человека, вырвавшегося из паров пунша и клубов табачного дыма, и с криками посетителей. еще звучащими в ушах, можно видеть бегущим от стойки к хорам, где он наденет стихарь, пока заключительная молитва не позволит ему поспешить назад, отвечая «Иду, сэр!» на аминь, который еще не успел замереть на его устах.

Как мы можем удивляться тому презрению, которого удостоилась Государственная Церковь, если ее устройство порождает такие отвратительные сцены? Где, спрашиваю я, те пресловутые блага, которые принесла нам так называемая Реформация? Факты говорят сами за себя, и я полагаю, что сумел убедительно показать многим, в какое ужасающее состояние пришли церковные постройки и сами церковники из-за введения нынешних порядков.

Если бы объем работы позволил, я мог бы исчерпывающим образом показать, насколько пагубным было влияние Протестантов на искусство в тех странах, где они на какое-то время стали государственной церковью; ведь даже во Франции, где их господство продолжалось не более года, они произвели такое опустошение, что основные церковные сокровища и большая часть лучших произведений искусства были разграблены и уничтожены.

Действительно, говорим ли мы о фанатике Ноксе в Шотландии, о Гугенотах во Франции, об основателях Английской Церкви, или о пуританах Кромвеля, мы можем видеть, что, как бы ни расходились они в своих раскольнических доктринах, они были едины, словом и делом,

в грабеже и разрушении. Святость и искусство равным образом ничего для них не значили; жажда золота и страсть разрушать все то, что превышало их разумение, в смеси с самым диким фанатизмом, толкали их к преступлениям, мучительным для души, с точки зрения как обычного человеколюбия, так и любви к высокому искусству.

Если эти страсти мало-помалу стихли, это случилось лишь благодаря тем теплохладным чувствам, которые большинство народа в нашей стране испытывает к религии; еще совсем недавно распятие или изображение Мадонны вызывало у ревнителей благочестия намного больший ужас и большее порицание, нежели самый гнусный и непристойный идол, порожденный худшими суевериями язычества; и я скажу не колеблясь, что среди последователей фанатических сект, известных под общим наименованием диссентеров, есть многие, которые не только станут ликовать, разрушая еще сохранившиеся прекрасные церкви, но и сочтут своим триумфом уничтожение всякой религиозной власти.

Я не могу завершить эту часть своей работы, не сделав некоторых замечаний о нынешней практике строительства церквей и часовен — практике столь низкой, столь корыстной и столь непочтительной по отношению к вере Господней, что она достойна всяческого презрения; и я скажу, что среди самых прискорбных грехов нашего времени нужно поместить тех, кто думает, какова минимальная сумма, за которую можно возвести церковное здание, и какой процент от суммы, выделенной на его строительство, можно выгадать, сдавая внаем церковные скамьи.

Именно спекуляция священными предметами настолько похожа на осквернение храма, вызвавшее у нашего Спасителя такое негодование, что Он, в противоположность мягкой снисходительности, которую он до того выказывал, плетью изгнал нечестивцев из святого места.

Да; строительство церквей, как и все, что порождалось рвением или искусством в прежние времена, выродилось в простую торговлю. Никого больше не волнует ни святость предприятия, ни благородный замысел архитектора или искусство ремесленника, участвующих в строительстве; но только дешевизна исполнения, поскольку она рассчитывается, исходя из ничтожной стоимости каждого сиденья; а облик здания и каждое окно, профиль и орнамент должны соответствовать этой жалкой сумме.

О чувствах, с которыми прежние священники возводили свои церкви, мы легко получим

представление, обратившись к торжественным словам посвящения: — *Domus quam aedificari volo Domino, talis esse debet, ut in cunctis regionibus nominetur; praeparabo, ergo ei necessaria*³.

*Magnus est Deus noster super omnes deos; quis, ergo, praevalere ut aedificet dignam Deo domum*⁴.

Инструкции Церковных комиссионеров представляют собой обратное этим благородным чувствам. Они требуют здания простого, как только возможно, которое можно построить за небольшие деньги, и скромных размеров, как ради экономии, так и для того, чтобы лучше слышать проповедника, поскольку из всей службы учитывается только проповедь; и я скажу, не колеблясь, что до сих пор не было архитектуры настолько убогой и вместе с тем настолько нелепой, как в массе этих жалких церквей, возведенных под покровительством комиссионеров, и которые теперь загромождают собой все новые части столицы и ее окрестности — позор для нашего времени, как с точки зрения их облика, так и с точки зрения тех скудных денег, которые были отпущены на их строительство.

При их проектировании не принимали в расчет ни уместность, ни красоту. У некоторых портики Греческих храмов, окруженные шпилями с жалким силуэтом и еще более жалкими деталями. Другие представляют собой смесь искаженных Греческих и Римских зданий; большинство же было построено в совершенно неопишуемых стилях, образуя самый отвратительный род зданий. В некоторых случаях архитекторы отваживались придать внешней оболочке сходство со старинными остроконечными церквами, и, пока не видны внутренности, здание может казаться старым; однако, когда мы видим интерьер, иллюзия пропадает, и мы обнаруживаем, что то, что имело вид старой католической церкви, есть в действительности

³ 1-я Паралипоменон, 22, 5: «...дом, который следует построить для Господа, должен быть весьма величествен, на славу и украшение пред всеми землями: итак буду я заготовлять для него».

⁴ 2-я Паралипоменон, 2, 5-6.

не что иное, как современный молельный дом со всеми галереями, скамьями и прочим. *In fine*, спроектировать величественное здание, подходящее для мелкотравчатости теперешней службы, настолько невозможно, что церкви, чтобы произвести впечатление, притворяются всем, чем угодно, только не тем, что они есть на самом деле; отсюда происходят все нелепости и несоответствия, в форме и отделке, которые в изобилии находятся в новых зданиях, построенных для религиозных целей.

Что касается стиля этих спекулятивных часовен, то он вне всякой критики. Их воздвигают люди, выбирающие между закладной, железной дорогой и часовней, как между способами выгодного вложения денег, и, поддавшись на красноречие модного проповедника, строят четыре стены с отверстиями для окон, заполняя пространство скамьями, сдающимися внаем; при этом они настолько охочи до презренного металла, что делают внизу обширный сухой подвал, который вскорости занимает какой-нибудь виноторговец.

Об ужасающем нечестии торговли церковными зданиями я говорил выше более развернуто; и я повторю, что никакое прегрешение не воспламенит быстрее гнева Господня, или не вызовет Его мщенья, нежели такое уничижение имени веры ради частных выгод отдельных персон.

И в заключение, хотя я несколько не отрицаю, что, если люди не могут позволить себе большего, то молитвы, возносимые из самой убогой постройки, окажутся столь же угодными Господу, как и те, что творятся в самом богатом здании; — все же, когда повсюду роскошь только возрастает, и люди богаче, чем когда-либо ранее, незначительные здания, возводимые повсюду ради религиозной службы, и плачевное состояние старинных церквей показывают недостаток искренней веры и теплохладность в отношении веры Господней, столь же позорные для нации, сколь оскорбительны они должны быть для Всевышнего.

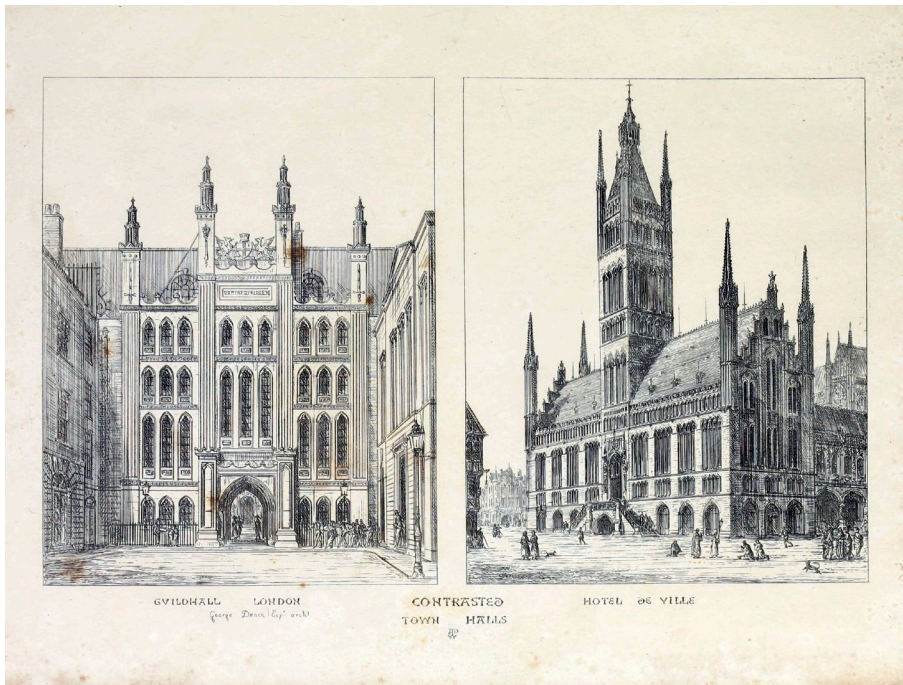

Рис. 1 Противопоставленные ратуши

Fig. 1. Contrasted town halls

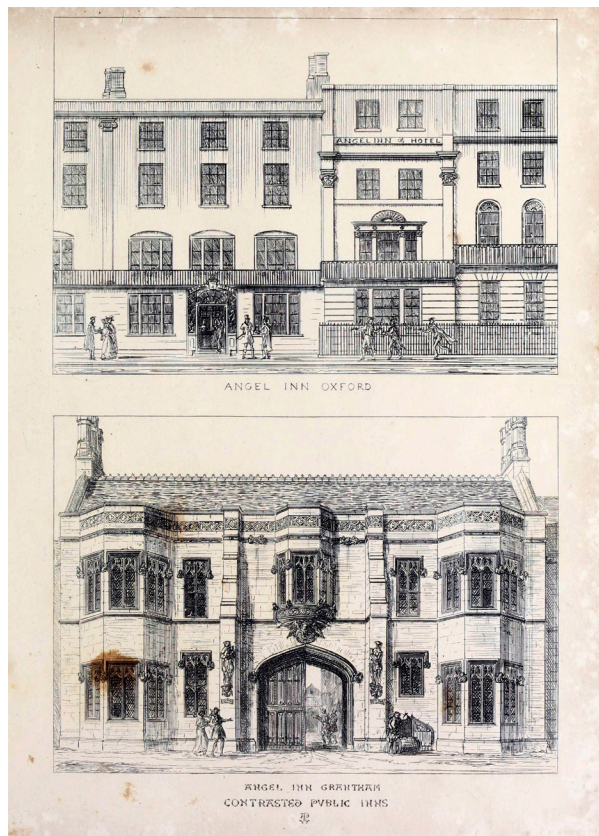

Рис. 2. Противопоставленные гостиницы

Fig. 2. Contrasted public inns

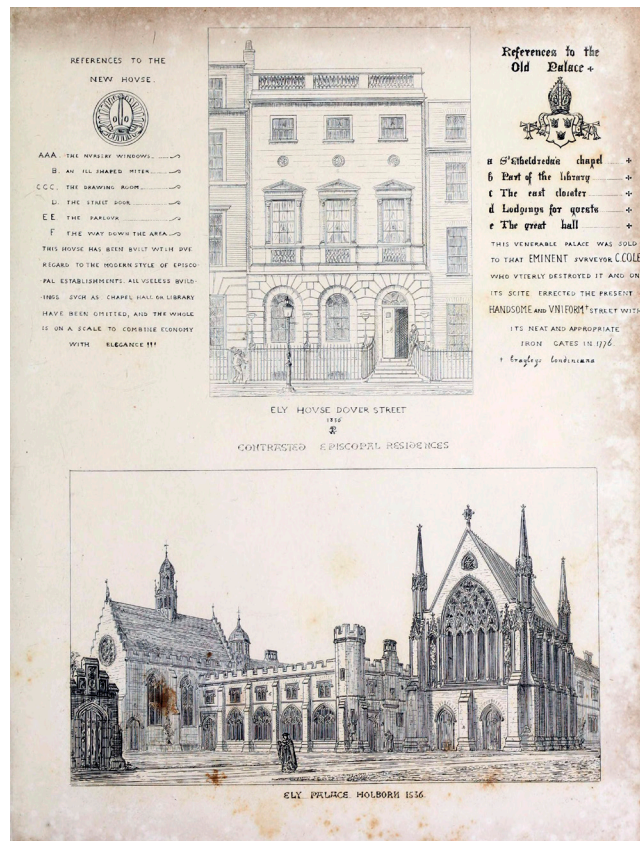

Рис.3. Противопоставленные епископские резиденции

Fig. 3. Contrasted episcopal residences

Рис. 4. Католический город в 1440 году (внизу) и тот же город в 1840 году

Fig. 4. Catholic town in 1440 [below] and the same town in 1840

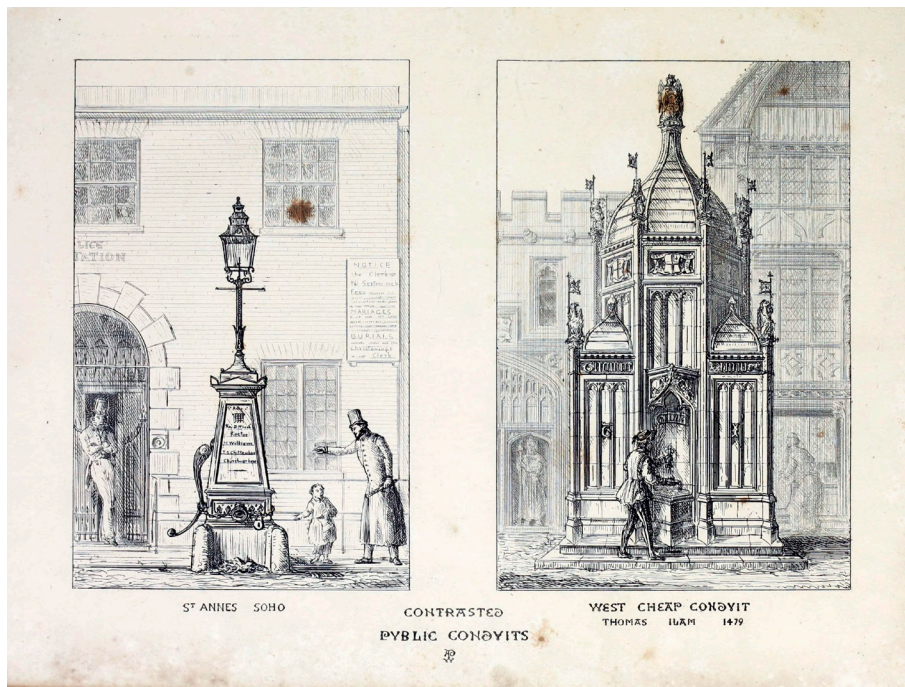

Рис. 5. Противопоставленные водоразборные колонки

Fig. 5. Contrasted public conduits

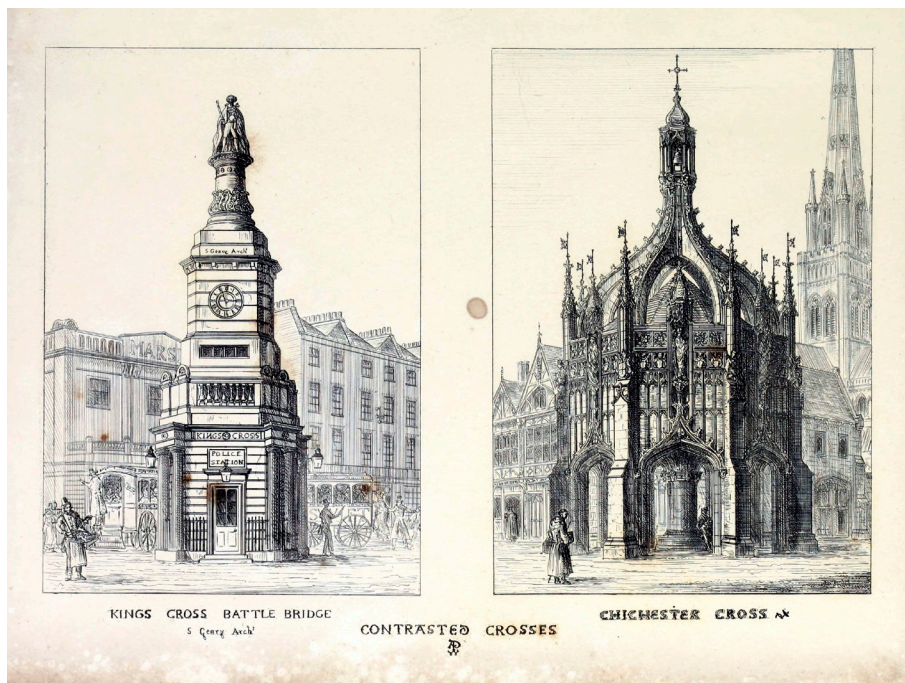

Рис. 6. Противопоставленные кресты

Fig. 6. Contrasted crosses

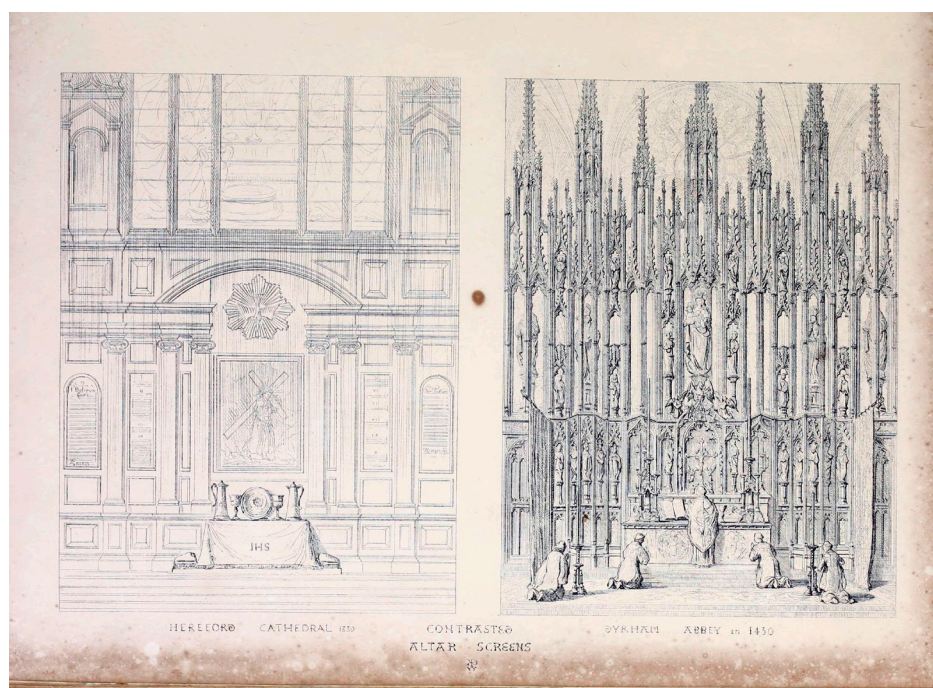

Рис. 7. Противопоставленные алтари

Fig. 7. Contrasted altar screens

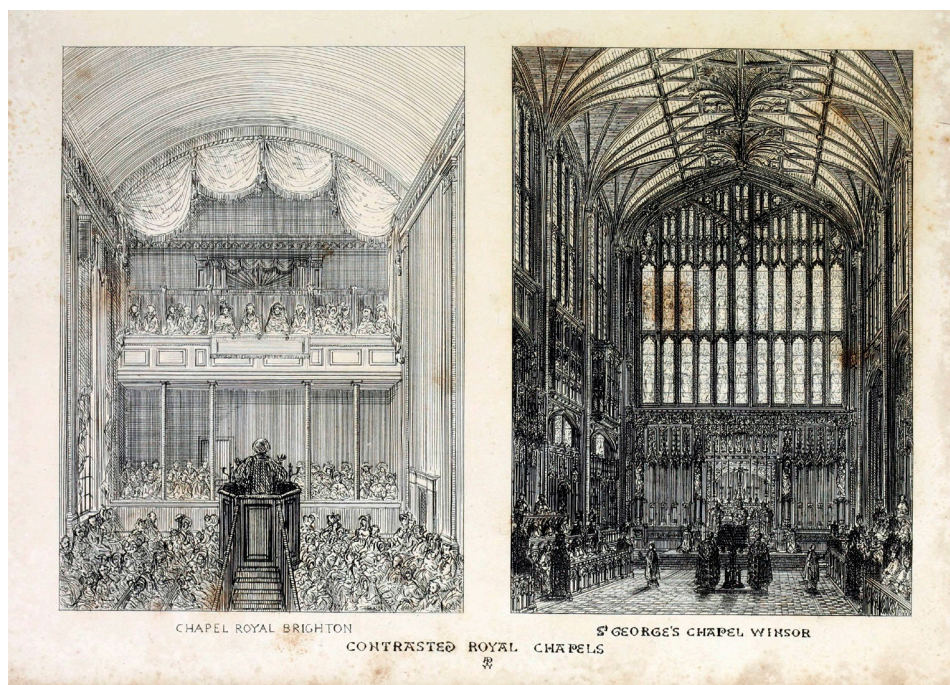

Рис. 8. Противопоставленные королевские часовни

Fig. 8. Contrasted royal chapels

Рис. 9. Противопоставленные приходские церкви

Fig. 9. Contrasted parochial churches

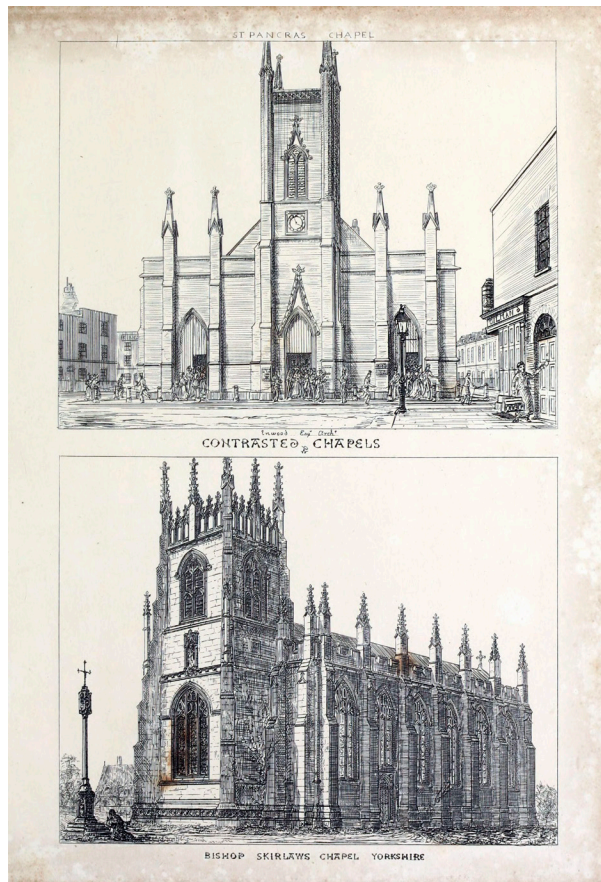

Рис. 10. Противопоставленные часовни

Fig. 10. Contrasted chapels

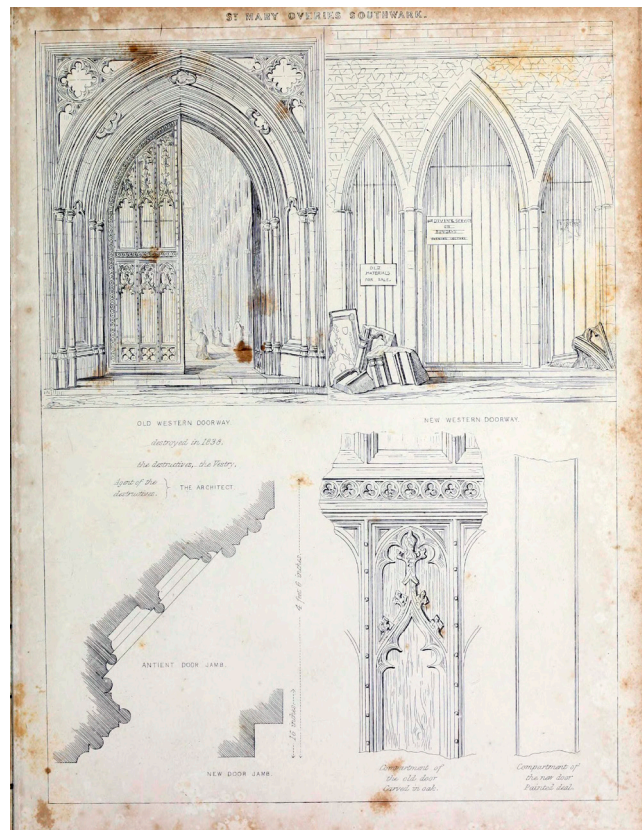

Рис. 11 Церковь Св. Марии, Саутворк. Сравнение старых и новых архитектурных деталей

Fig. 11. St. Mary Overie, Southwark. A comparison of old and new architectural details

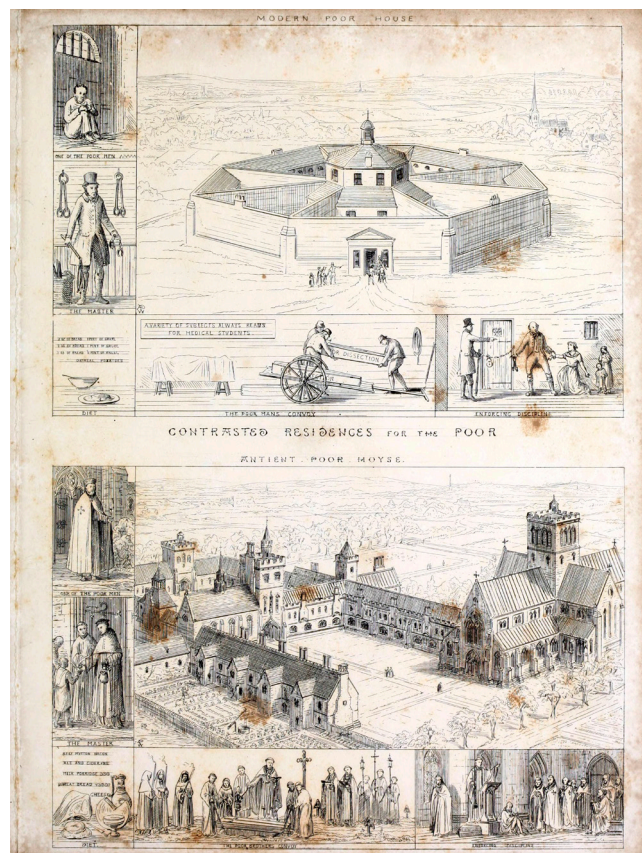

Рис. 12. Противопоставленные приюты для бедных

Fig. 12. Contrasted residences for the poor

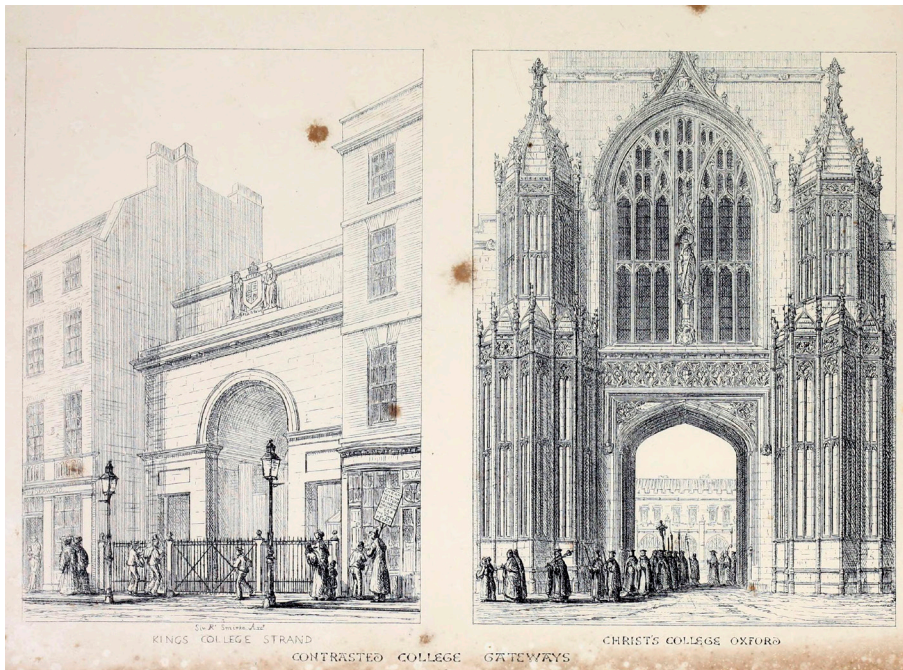

Рис. 13. Противопоставленные ворота колледжей

Fig. 13. Contrasted college gateways

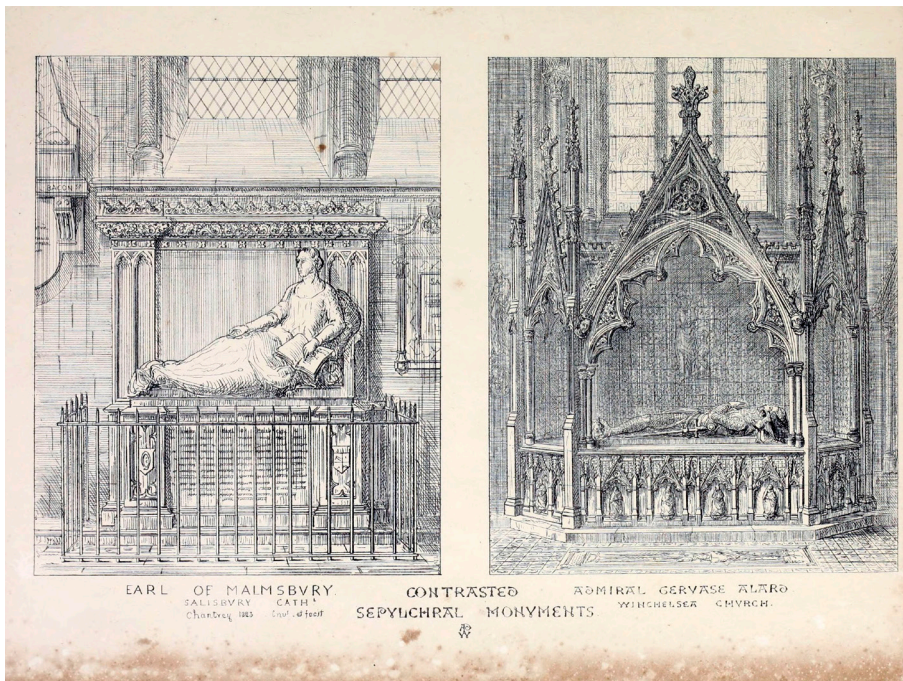

Рис. 14. Противопоставленные надгробные памятники

Fig. 14. Contrasted sepulchral monuments

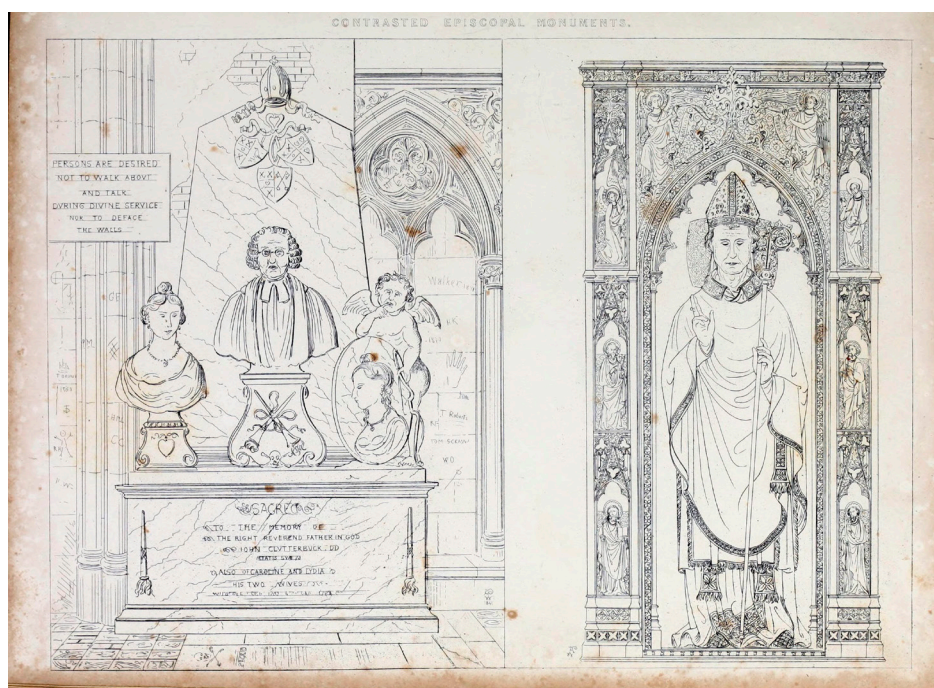

Рис. 15. Противопоставленные надгробия епископов

Fig. 15. Contrasted episcopal monuments

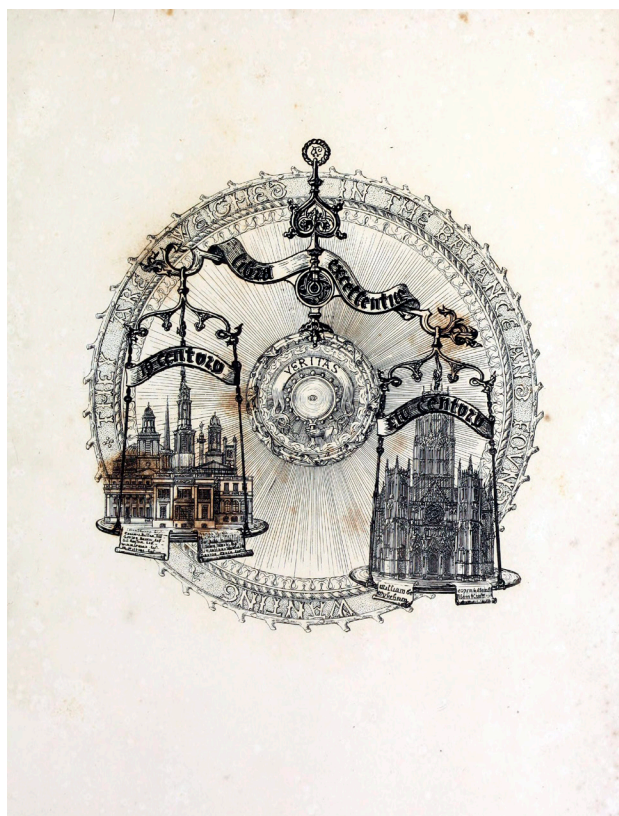

Рис. 16. «Весы достоинства». На круглой рамке надпись: «Взвешен и признан недостойным» (Дан. 5, 25–28), в центральном медальоне — «Истина». На левой чаше весов — здания XIX века, на правой — собор XIV столетия

Fig. 16. “Libra excellentiae” The inscription on the circular frame: “They are weighed in the balance and found wanting” (Dan. 5, 25–28); in the central medallion: “Veritas”. On the left side of the scales are 19th century buildings; on the right side is the 14th century cathedral

Сведения о переводчике

Владислав Владимирович Дегтярев

ORCID: [0000-0002-7720-2028](https://orcid.org/0000-0002-7720-2028), e-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Кандидат культурологии, старший научный сотрудник Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Translator

Vladislav V. Degtyarev

ORCID: [0000-0002-7720-2028](https://orcid.org/0000-0002-7720-2028), e-mail: vladislav.degtyarev@gmail.com

Candidate of Sciences (Cultural Studies), Senior Research Fellow, Herzen State Pedagogical University of Russia